

Сюн Цзиньчжоу и Сюн Цзиньпин сменяли друг друга, и стук цепа по пшенице почти не прекращался. Нин Гуйчжу и Ван Чуньхуа принесли стулья и уселись с краю. Перед ними лежала уже обмолоченная пшеница: некоторые колосья успели хорошо просохнуть, и зёрна с них снимались без малейшего труда, другие же всё ещё оставались влажными - их возвращали обратно в кучу, чтобы потом как следует просушить на солнце.

Солнце начало клониться к горизонту, и небо окрасилось вечерней зарёй.

Трое детей с корзинами за спиной весело вбежали во двор, протяжно выкрикивая:

— Папа, мама, дядюшка, учи-и-итель!

Занятые работой взрослые подняли головы и увидели, как троица один за другим влетела через заднюю дверь главного зала. Их корзины были доверху набиты пшеничными колосьями.

Ван Чуньхуа указала рукой:

— Высыпайте сюда.

Услышав мать, трое детей тут же свернули в указанную сторону, подбежали туда и с грохотом высыпали из корзин собранные колосья, после чего гордо заявили:

— Мы совсем недолго ходили, а уже столько пшеницы подобрали! Папа, вы совсем невнимательно собирали, в поле ещё так много осталось!

Веко Сюн Цзиньпина дёрнулось. Он не стал спорить с детьми и объяснять, что после жатвы такое совершенно нормально, а лишь сказал:

— Вот какие молодцы? Тогда сходите ещё раз. Если снова сумеете набить корзины доверху, завтра, когда папа вернётся из уезда, привезу вам сладкие рожки.

Глаза детей мгновенно загорелись. Они даже перестали обмахиваться ладошками, схватили корзины и со всех ног бросились прочь. Лишь звонкие детские голоса ещё некоторое время разносились по двору:

— Папа должен сдержать обещание!!!

Четверо взрослых во дворе не удержались и рассмеялись.

После уборки урожая по полям повсюду ходили люди, подбиравшие упавшие колосья. Каждый нагибался, шурился и внимательно высматривал зёрна среди земли и стерни. Дети же с корзинами за спиной носились по полям своей семьи, превратив сбор оставшихся колосьев в самую весёлую игру.

В тени дерева у межи сидел ребёнок в изодранной одежде и с завистью смотрел на людей в поле. Он присел и пальцами выкапывал дикорастущую зелень, время от времени поднимался, снова поглядывал в сторону поля, но уходить отсюда никак не хотел.

Лю Цюхун, вновь заметив этого ребёнка, невольно вздохнула и поманила к себе Сюн Цзиньбо. Когда мальчик подбежал, она сказала:

— Отведи брата и сестру туда, где я ещё не собирала, и подбирайте колосья там.

— Хорошо-о!

Сюн Цзиньбо не совсем понял, зачем это нужно, но послушно увёл Чуаньшуя и Иньинь на другое место.

Лю Цюхун выпрямилась и крикнула в сторону межи:

— Эй, малыш!

Ребёнок тут же чутко поднял голову. Сжимая в руках выкопанную зелень, он с надеждой посмотрел на неё. Лю Цюхун указала на участок, который уже успела пройти, и нарочно строгим голосом сказала:

— Иди сюда. Только подбирать будешь за нами, понял?

— Понял, понял!

Ребёнок бегом подскочил к ней и взволнованно заговорил:

— Спасибо, тётушка! Спасибо! Спасибо!

Глядя на него, Лю Цюхун почувствовала неприятную тяжесть на душе. Она отвернулась, снова согнулась и продолжила собирать оставшиеся колосья.

Кто-то с соседнего поля увидел это и с улыбкой поддразнил:

— Вот уж кто добрый, так это ты, сестра Цюхун. Уже сейчас разрешила чужим подбирать.

Зерно было слишком ценным. Какая семья не проходила своё поле по три-четыре раза, прежде чем позволить тем, у кого вообще не было земли, собирать остатки?

— Какая ещё доброта, — отозвалась Лю Цюхун. — С тофу с утра до ночи возни полно, только после ужина и удаётся выкроить немного времени на поле. Пока мы сами всё по несколько раз соберём, половина зерна в земле сгниёт. Разве не жалко?

Женщина поняла, что Лю Цюхун нарочно так говорит, и со смехом поддержала её парой фраз. Потом посмотрела на тихо идущего следом ребёнка и снова нагнулась, тщательно собирая зерно на своём поле.

У семьи Сюн взрослые хорошо зарабатывали, младший сын служил при ямене, жизнь становилась всё лучше, и они могли позволить себе отдать часть зерна ради доброго дела. У неё самой таких возможностей не было. Подумав об этом, женщина вдруг вспомнила события последних дней, и хмурые от тяжёлой работы брови немного разгладились.

Ей самой не посчастливилось попасть к ним учиться ремеслу, зато в большой родне Сюн таких людей было немало. Ещё позавчера её младшего сына позвали в горы собирать дикие плоды. Раньше он целыми днями бездельничал, а теперь за день мог заработать больше десяти вэней. Если понемногу откладывать, то, когда придёт возраст, и хорошую жену ему будет легче взять.

Лю Цюхун вместе с тремя детьми собирала колосья до темноты. Трое малышей то и дело бегали туда-сюда, относя собранные колосья во двор Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу.

Когда солнце окончательно село, четверо взрослых во дворе тоже остановились. Они сгребли пшеницу к середине сушильных циновок и перетащили всё в главный зал. Передние ворота теперь оставляли открытыми, и детям было удобнее бегать напрямую, не делая крюк через заднюю калитку.

Нин Гуйчжу убрал снаружи сушившиеся лавровые листья, листья танской груши, солодку и прочее, отнёс всё на кухню, а затем заодно вынес растения, которые до этого держали в тени.

Сюн Цзиньчжоу как раз взял прислонённую к стене мотыгу и, увидев его с растениями, спросил:

— Что посадим первым?

— Лавр.

Дерево решили посадить немного впереди и сбоку от спальни. Чтобы ему хватило места разрастись, от всех построек оставили достаточно большое расстояние. Сюн Цзиньчжоу принялся копать яму, а Нин Гуйчжу стоял рядом и уже почти видел, как через несколько лет лавр вырастет и раскинет широкие ветви. Когда яма была готова, он пришёл в себя, посадил

деревце, тщательно засыпал корни и несколько раз с силой утоптал землю. Только после этого Нин Гуйчжу развязал лозы, которыми были стянуты ветви.

— Я схожу принесу несколько бамбуковых палок.

— М? — Сюн Цзиньчжоу не сразу понял, зачем. Подняв голову, он увидел, как Нин Гуйчжу подбежал к стене возле дровяного сарая, выбрал несколько бамбуковых жердей и вернулся обратно. — А это для чего?

Нин Гуйчжу объяснил:

— Только что посаженное дерево нужно со всех сторон подпереть палками. Когда корни как следует закрепятся в земле, подпорки можно будет убрать.

— А-а.

Сюн Цзиньчжоу понял не до конца, но что нужно делать - разобрался. Он забрал у Нин Гуйчжу бамбуковые палки, установил их наискось между стволом и землёй, а сверху прижал камнями, которые только что выкопал.

— Так подойдёт?

Нин Гуйчжу с улыбкой кивнул и показал ему большой палец.

Закончив с деревом, они отправились в огород позади дома. Солодка, шнитт-лук и мята, у которых корни при выкапывании пострадали, уже были тщательно вымыты: то, что следовало сушить, разложили на солнце, остальное оставили для еды. В бамбуковой корзине лежали только растения с хорошо сохранившимися корнями.

Шнитт-лук посадили рядом с луком, чесноком и перцем - он успешно пополнил ряды приправ. Мята отпугивала насекомых, поэтому Нин Гуйчжу пересчитал саженцы и равномерно распределил их по краям огорода.

К слову о борьбе с вредителями...

Солодка ведь тоже обладала противопаразитарным действием. Правда, в основном против определённых паразитов вроде ленточных червей, да и эффект у неё был не слишком сильным. Но это древность - если хоть как-то помогает от паразитов, уже хорошо.

Нин Гуйчжу спросил:

— Кувшины для воды пустые есть?

Сюн Цзиньчжоу, которого внезапно спросили, сперва растерялся, потом вспомнил:

— Один пустой.

— Отлично. — Нин Гуйчжу кивнул. — Потом, когда вскипятим воду, напхни мне: заварю целый кувшин солодки и оставлю.

Сюн Цзиньчжоу удивился:

— А разве это не пряность?

Когда они выкапывали солодку в горах, Нин Гуйчжу говорил, что её, как сычуаньский перец и корицу, можно использовать в готовке.

— Пряность, — ответил Нин Гуйчжу, не отрываясь от посадки мяты. — Но ещё и лекарственная трава. Настой солодки помогает от паразитов. Эффект слабенький, конечно, зато его можно пить каждый день вместо обычной воды - брать количеством.

— От паразитов? — Сюн Цзиньчжоу сразу оживился. — От хуэчон (аскарид)?

— От солитеров.

Сюн Цзиньчжоу снова озадачился:

— А солитеры - это что?

— ...

Нин Гуйчжу задумался и долго рылся в памяти, прежде чем наконец вспомнил простонародное название ленточного червя:

— Это цуньбайчун.

Услышав знакомое название, Сюн Цзиньчжоу сразу понял. В деревне такая болезнь встречалась нечасто, зато в уезде время от времени попадалась.

Закончив высаживать все растения, они оставили напоследок имбирь.

Нин Гуйчжу задумчиво потёр подбородок:

— Земля у нас слишком липкая. Надо принести немного песчаной почвы и смешать, иначе имбирь всё равно не приживётся.

— Кажется, возле чесночного поля как раз песчаная земля, — вспомнил Сюн Цзиньчжоу. Он слышал об этом от отца. — Я схожу накопаю ведро, а ты, Чжу-гер, отдохни дома.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу не стал отказываться. Когда Сюн Цзиньчжоу ушёл, он налил воды в железный котёл, поставил её греться, а сам взял метлу и принялся подметать двор. Он как раз убирался, когда услышал приближающиеся смех и разговоры. Подняв голову, Нин Гуйчжу увидел целую компанию двоюродных братьев семьи Сюн.

Сюн Цайван оказался вытолкнут вперёд остальных. Он заглянул во двор и спросил:

— Чжу-гер, второго дома нет?

— Я отправил его за землёй, — ответил Нин Гуйчжу, останавливая метлу. — Заходите, посидите немного. Вы к нему по делу?

Услышав, что Сюн Цзиньчжоу нет, Сюн Цайван заметно расслабился и улыбнулся:

— Да какое у нас к нему дело. Мы пришли принести деньги за эти дни. Несколько семей договорились прийти вместе - так вам со вторым удобнее будет сверить расчёты.

— Спасибо, что подумали об этом. Заходите, присядьте, воды попейте.

— Не надо, не надо.

Их пришла целая толпа - Нин Гуйчжу одной воды на всех не успел бы налить. Несколько мужчин с кошельками подошли к столу у колодца и один за другим высыпали туда медяки, попутно рассказывая, сколько заработали за последние дни.

Нин Гуйчжу:

— ...

Он беспомощно прикрыл лоб ладонью, не удержался от смешка, подошёл к ним и стал слушать названные суммы. Пальцы быстро перебирали медяки, и вскоре он уже кивнул:

— Всё верно.

Компания взрослых мужчин тут же посмотрела на него с явным восхищением. Вот это скорость счёта!

Расчёты сверили почти мгновенно. Толпой пришли и ушли, оставив Нин Гуйчжу один на один с целым столом медяков, от которых теперь болела голова.

Пока Нин Гуйчжу раздумывал, не запереть ли ворота и не сходить ли в спальню нарезать полоски ткани, чтобы нанизать на них медяки, Сюн Цзиньчжоу вернулся с ведром песчаной земли.

Увидев Нин Гуйчжу у стола, он присмотрелся и только тогда заметил целую гору медяков. На лице сразу появилось недоумение:

— Старший брат принёс?

Не похоже. Если бы старший брат собирался отдавать такую сумму, то наверняка сначала обменял бы медяки на серебро.

Нин Гуйчжу покачал головой:

— Нет, это остальные двоюродные братья из нескольких семей. Вместе получилось больше одного ляна.

Даже у тех, кто копил меньше всех, прошло уже семь дней. Если каждый день откладывать по десять-двадцать медяков, за это время набиралась вполне приличная сумма.

Сюн Цзиньчжоу, услышав, что Нин Гуйчжу всё подсчитал, сказал:

— Тогда сходи принеси ткань, я здесь посторожу. Нанижем всё и уберём обратно в сундук. А завтра я могу обменять медяки на серебро и принести домой.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу направился в спальню и по дороге сказал:

— Столько медяков дома держать слишком заметно.

Больше тысячи монет, сложенных вместе, занимали уйму места. Если в дом заберётся вор, ему даже искать ничего не придётся: откроет сундук, и сразу можно уносить деньги.

Нин Гуйчжу нарезал полоски ткани и вернулся. Имбирь оба пока отложили в сторону, уселись рядом и начали нанизывать медяки. Каждую сотню монет связывали в отдельное кольцо и складывали рядом. Работа оказалась на удивление приятной.

Через некоторое время трое детей снова с шумом вбежали во двор, высыпали собранные колосья в общую кучу, а заметив Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу за столом у колодца, любопытно подошли поближе.

— Ух ты-ы!

Столько медяков!

Нин Гуйчжу вложил каждому ребёнку в ладонь по три монеты.

— Это вам на мелкие расходы.

Сжимая медяки, Сюн Цзиньбо посмотрел на младших брата и сестру, которые явно ждали от него подсказки, но и сам растерялся:

— С-спасибо, учитель?

У детей не было понятия карманных денег, поэтому они просто не знали, как реагировать.

Нин Гуйчжу и не собирался ждать, пока они разберутся.

— Если ваша мама дома спросит, откуда деньги, скажите, что учитель велел передать: дар старшего нельзя отвергать. А если будете упорно отказываться, значит, вы уже не послушные дети.

Услышав слова «не послушные дети», все трое машинально стиснули медяки крепче.

Сюн Цзиньбо очень серьёзно сказал:

— Спасибо, учитель. Тогда мы возьмём!

Сюн Чуаньшуй и Сюн Иньинь тут же повторили за ним.

— Умницы. Идите играйте.

Когда дети убежали, Сюн Цзиньчжоу только тогда рассмеялся:

— Вот увидишь, невестка сейчас обязательно придёт и скажет, что хочет вернуть нам эти деньги.

— Невестка просто слишком уж всё считает до мелочей. Даже если не говорить об этих медяках, стоит детям несколько раз поесть у нас, как она обязательно придумает, чем потом это возместить.

Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Она всегда такая. Не любит, когда её используют, но и сама чужим пользоваться не хочет.

Нин Гуйчжу тихо отозвался:

— Угу, я знаю.

Когда они закончили нанизывать последнюю сотню медяков, осталось ещё чуть больше тридцати монет россыпью. Нин Гуйчжу машинально разделил их на две кучки, одну подвинул к Сюн Цзиньчжоу и с улыбкой сказал:

— На, тебе тоже немного карманных денег.

Сюн Цзиньчжоу рассмеялся и нарочно церемонно произнёс:

— Благодарю супруга за награду.

Нин Гуйчжу поднял связку медяков, наклонился и поцеловал его в щёку.

— Ты в эти дни много работал.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение застыл, потрогал щёку и расплылся в совершенно глупой улыбке. Спустя пару секунд он сгреб со стола обе кучки россыпных монет и радостно потрусил следом за Нин Гуйчжу в спальню.

— Чжу-гер, вторую половину я положу тебе в кошелёк, ладно?

— Хорошо.

Нин Гуйчжу спрятал связки медяков под одеждой на дне сундука. Увидев, что сверху ткань заметно выпирает, он ещё немного всё переложил, стараясь сделать так, чтобы снаружи ничего не бросалось в глаза.

Когда они вдвоём вышли из комнаты, как раз увидели приближающуюся Ван Чуньхуа. Супруги переглянулись и оба не удержались от смеха.

Ван Чуньхуа ничего не поняла:

— Чего смеётесь, такие довольные?

Они лишь покачали головами и сказали, что ничего особенного, а потом спросили, зачем она пришла. В такой час уже приходилось полагаться на лунный свет. Ради чего ещё Ван Чуньхуа могла специально тащиться сюда, если не ради того, чтобы вернуть детям выданные медяки?

Они долго препирались. В итоге Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу вдвоём всё-таки сумели убедить её, что «учитель дал ученикам карманные деньги» - совершенно нормальная вещь.

Проводив Ван Чуньхуа, они выкопали яму, смешали землю с песчаной почвой, посадили имбирь, затем принесли воду и полили все недавно пересаженные растения, чтобы корни лучше прижились.

Закончив с этим, они по очереди вымылись и покормили домашних животных.

Передние и задние ворота закрыли одновременно и крепко подперли толстыми деревянными засовами - ощущение безопасности сразу стало полным. В спальне распахнули обе двери и окна. Они немного размяли друг другу мышцы, затем, обмахиваясь веерами и тихо разговаривая, постепенно уснули.

Следующий день пришёл почти незаметно. Аромат жареного шнитт-лука разнёсся по всему двору и на какое-то время даже перебил запах каши с мясным фаршем.

Сюн Цзиньчжоу с ведром воды обошёл весь двор, полил овощи и деревья, затем покормил домашних животных. Как раз в это время подоспел Сюн Цзиньпин, и вдвоём они вытащили из главного зала сушильные циновки, равномерно разложили на них пшеницу, после чего перенесли обратно в главный зал столы, стулья и табуреты, которые до этого стояли под навесом.

Сюн Цзиньпин втянул носом аромат, доносившийся с кухни, и сказал:

— Я тогда поведу Маньтоу и пойду вперёд. Вы сегодня утром не будете есть в переднем доме?

— Вечером придём, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Сюн Цзиньпин кивнул, показывая, что понял, и увёл мула через заднюю калитку.

Проводив старшего брата взглядом, Сюн Цзиньчжоу вошёл на кухню, налил себе чашку воды и спросил Нин Гуйчжу:

— Утром ещё что-нибудь нужно сделать?

Нин Гуйчжу ещё во время готовки успел вынести наружу всё, что требовалось сушить. Услышав вопрос, он переложил жареный шнитт-лук в чашку и ответил:

— Уже ничего. Садись, отдохни. Сегодня даже после завтрака ещё будет рано, в уезд пойдёшь попозже.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу и сам не слишком хотел выходить из дома, поэтому прислонился к окну и стал смотреть, как Нин Гуйчжу хлопчет у очага.

Кроме каши с мясным фаршем и жареного шнитт-лука, Нин Гуйчжу ещё поджарил чашку лепёшек с яйцом и шнитт-луком. Поставив лепёшки и овощи на стол, он повернулся за чашками и палочками. Едва наполненная кашей чашка оказалась на столе, Сюн Цзиньчжоу тут же поднял её и отнёс к небольшому столу у окна.

Супруги сели рядом и под утренним ветерком спокойно съели ароматный, насыщенный завтрак. После еды все утренние дела тоже были закончены, и они устроились под навесом, наслаждаясь прохладой. Лишь изредка приходилось взмахивать бамбуковой веткой, отгоняя ранних птиц, прилетевших кормиться.

Через заднюю калитку вприпрыжку вбежали трое детей. По дороге они радостно поздоровались с кошками и собаками, не забыли даже про кур и уток в загоне и только потом подошли к Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу, чинно остановившись перед ними.

— Доброе утро, учитель! Доброе утро, дядюшка!

— И вам доброе утро, — ответил Нин Гуйчжу и поднялся. — Сначала повторим то, что учили вчера. Тот отрывок из «Троесловия», который я велел выучить, уже можете рассказать наизусть?

Неожиданная проверка застала троих врасплох. Все без исключения заметно занервничали.

Увидев их состояние, Нин Гуйчжу сказал:

— Тогда сначала повторим то, что учили вчера. Потом сами ещё раз всё запомните, а когда будете уверены, что можете рассказать наизусть, приходите ко мне. И да, значение тоже буду

спрашивать.

— Х-хорошо.

Дети напряжённо закивали.

Нин Гуйчжу шёл следом за ними. Уже почти войдя в спальню, он обернулся на поднявшегося Сюн Цзиньчжоу, улыбнулся одними глазами и тихо спросил:

— Уже собираешься в уезд?

Сюн Цзиньчжоу кивнул.

— Тогда осторожнее в дороге.

— И ты дома тоже не переутомляйся.

Супруги прощались тихо и ласково, и их голоса почти терялись за начавшимся детским чтением.

Проводив взглядом Сюн Цзиньчжоу, вышедшего через маленькую заднюю дверь главного зала, Нин Гуйчжу только тогда отвернулся и вошёл в спальню, начиная сегодняшний урок.

Он никогда специально не изучал обучение маленьких детей, а в древности не существовало ни пиньиня, ни письменной пунктуации, поэтому преподавал он во многом так, как приходило в голову. К счастью, на уроках дети были послушными и внимательными, дав Нин Гуйчжу достаточно времени приспособиться. Теперь занятия уже шли по более-менее устойчивому порядку. Не идеально, зато достаточно терпеливо и тщательно.

Закончив вместе с детьми повторение, Нин Гуйчжу вышел из спальни и устроился под навесом следить за пшеницей. Оттуда он слушал запинаящееся детское заучивание и тихие обсуждения, когда трое собирались вместе и пытались разобраться в значениях.

Никто всё не приходил сдавать выученное. Нин Гуйчжу посмотрел на уже поднявшееся солнце, немного подумал, затем сходил в соседний лес и притащил несколько заранее отпиленных бамбуковых стволов. Ножом он стал счищать грубый верхний слой, собираясь потом расщепить бамбук на тонкие полосы и сплести прохладную циновку.

Наконец дети закончили проверять друг друга. Сюн Цзиньбо, как старший брат, первым вышел с листом, на котором был записан отрывок для заучивания, и подошёл к Нин Гуйчжу сдавать урок. Нин Гуйчжу не прекращал работу руками. Он выслушал текст наизусть, затем попросил ребёнка пересказать значение и выборочно спросил несколько иероглифов. Убедившись, что

всё правильно, отправил его обратно и велел позвать следующего.

Так он одновременно следил за пшеницей и вёл урок. А чтобы начать плести циновку, сперва нужно было как следует подготовить расщеплённые бамбуковые полосы.

В полдень они снова ели в переднем доме холодную лапшу. В летнюю жару после хлопот съесть чашку прохладной лапши было таким наслаждением, с которым мало что могло сравниться. За едой Нин Гуйчжу услышал, как семья обсуждает поля. Сейчас было лишь начало лета, и после жатвы нельзя было оставлять землю пустовать. Родные размышляли, не засеять ли все поля бобами.

Разговор шёл всё дальше, и понемногу взгляды всей семьи остановились на Нин Гуйчжу.

Нин Гуйчжу проглотил лапшу, немного подумал и сказал:

— Думаю, можно. Соя фиксирует азот, и если посадить её сейчас, то в следующем году пшеница будет расти лучше.

Семья Сюн ещё ничего не успела ответить, как помогавшие по хозяйству тётушки удивлённо воскликнули:

— Оказывается, бобы ещё и землю удобряют?

Нин Гуйчжу кивнул и добавил:

— Просто по сравнению с другими культурами это немного полезнее для почвы. Но чудесного эффекта всё равно не будет, плодородие нужно поддерживать и другими способами.

— А-а, понятно.

Услышав, что женщины тоже заговорили о своих полях, Нин Гуйчжу спросил сидевшую рядом Ван Чуньхуа:

— А раньше в деревне что обычно сажали после пшеницы?

Ван Чуньхуа ответила:

— Бобы тоже сажали, но чаще кукурузу и батат.

Всё это было зерновыми и основными продуктами, но от большого количества бобов начинал болеть живот, тогда как кукуруза и батат переносились лучше. Поэтому большинство семей

высаживали сою по краям полей, а сами участки отдавали под кукурузу и батат.

Нин Гуйчжу сказал:

— Все три культуры подходят для чередования с пшеницей и помогают почве восстановиться. Так что сажать можно любую.

В этом мире и зерновых, и овощных культур было достаточно много, поэтому можно было не опасаться, что из-за однообразных посадок хорошие поля постепенно истощатся.

Вскоре все пришли к общему решению, а затем вспомнили, что поля у семьи уже давно разделены между хозяйствами. Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин тихо посоветовались между собой и, когда помогавшие тётушки ушли относить чашки, сами предложили заплатить за использование земли. Ещё когда начинали дело с тофу, в семье сразу договорились, что этот промысел принадлежит Сюн Цзиньпину и Ван Чуньхуа. Даже родителям за помощь они платили достаточно. Поэтому и сейчас, когда речь зашла о плате за землю, дома никто не стал отказываться.

Раз уж даже отец с матерью приняли деньги, Нин Гуйчжу тем более ничего не стал говорить. После обеда он вернулся во двор, погладил троих детей по головам и спросил:

— Холодную лапшу доели? Наелись?

— Наелись!

Без взрослых рядом трое детей ели с особенным удовольствием. Во рту у каждого был сладкий рожок, который отец привёз из уезда, и улыбались они так послушно и мило, что невозможно было не умилиться. Нин Гуйчжу посмотрел на пустые чашки, с улыбкой похвалил их, заодно вымыл посуду, затем засучил рукава и принялся переворачивать пшеницу.

□□...

Нин Гуйчжу и Ван Чуньхуа по очереди присматривали за пшеницей, а когда дети проснулись, снова поручили это им. Послеобеденное время пролетело словно в одно мгновение.

Когда Сюн Цзиньчжоу вошёл во двор, две кошки осторожно высунули головы из своего укрытия, и он невольно приподнял бровь. Стоило ему сделать пару шагов в сторону главного зала, как оттуда донеслось детское «кис-кис-кис». И без объяснений было понятно, от кого именно прячутся кошки.

Войдя в главный зал, Сюн Цзиньчжоу первым делом жестом попросил всех говорить потише, затем лёгкими шагами подошёл к Нин Гуйчжу и с улыбкой спросил:

— Никто не хочет сладкого супа из маша?

Нин Гуйчжу, сидевший с закрытыми глазами и приходивший в себя после отдыха, тут же распахнул их и радостно сказал:

— Ты сегодня так рано вернулся.

Сюн Цзиньчжоу сел рядом с ним.

— Во время страды всегда так. Дают два-три дня выходных на уборку урожая, а потом ещё три-пять дней можно уходить со службы пораньше. Когда с зерном закончат, снова возвращаемся к обычному времени.

К такому распорядку Сюн Цзиньчжоу уже привык. Он достал бамбуковую трубку, которую утром тайком прихватил с собой:

— Я принёс целую трубку супа из маша. Разольём сейчас?

— Хорошо, я принесу чашки.

Нин Гуйчжу поднялся, и Сюн Цзиньчжоу тут же пошёл следом. Эту бамбуковую трубку изначально купили именно для того, чтобы Сюн Цзиньчжоу мог носить с собой суп, поэтому объём у неё был не слишком большой. Двоим взрослым и троим детям досталось всего по половине чашки, и каждый пил очень бережно, растягивая удовольствие.

Потягивая сладкий суп из маша, Сюн Цзиньчжоу сам спросил:

— Чжу-гер, ты умеешь такой варить? Сложно?

Летом у них дома тоже каждый год варили маш, но вкус получался не таким, как у покупного. Конечно, Сюн Цзиньчжоу спрашивал именно о таком способе приготовления.

Нин Гуйчжу сделал ещё глоток и ответил:

— Примерно такой же сделать смогу.

Не дожидаясь, пока Сюн Цзиньчжоу скажет что-нибудь ещё, он с улыбкой продолжил:

— Завтра сварю целый котёл. А ты купи ещё несколько бамбуковых трубок. Наполним их и опустим в колодец охлаждаться - в жару будет ещё приятнее.

— Хорошо!

Пока двое взрослых договаривались, трое детей допивали сладкий суп и от радости даже болтали ножками. Их учитель и правда был невероятно умелым!

После супа Нин Гуйчжу окончательно проснулся. К тому же Сюн Цзиньчжоу уже вернулся домой, а убедившись, что тот успел отдохнуть в полдень, Нин Гуйчжу больше не занимался пшеницей и целиком сосредоточился на плетении бамбуковой циновки.

Если уже в начале лета стояла такая жара, Нин Гуйчжу даже представить не мог, как они будут переживать последующие месяцы. Оставалось только постараться приготовить как можно больше вещей, способных спасти от зноя. Кроме бамбуковой циновки, нужно было ещё сделать и бамбуковую «жену» - полый плетёный валик для сна в жару.

<http://bllate.org/book/14958/2010776>